

18+

Таяма Катай

Шум волн

Сборник рассказов

Таяма Катай

Шум волн. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Катай Т.

Шум волн. Сборник рассказов / Т. Катай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-675144-6

В этот сборник вошли образцы его малой прозы, в основном из сборников 1920-х годов — рассказы и повести, в которых сконцентрированы все главные темы его творчества: мучительная рефлексия, конфликт между долгом и желанием, невозможность любви без разрушения. Герои Катая — люди, разрывающиеся между социальными условностями и собственными страстями, между призрачным идеалом и несовершенной реальностью.

ISBN 978-5-00-675144-6

© Катай Т.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие от составителя и переводчика	6
Солдат	7
Возвращение с острова	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Шум волн Сборник рассказов

Таяма Катай

Переводчик Павел Соколов

Составитель Павел Соколов

© Таяма Катай, 2026

© Павел Соколов, перевод, 2026

© Павел Соколов, составитель, 2026

ISBN 978-5-0067-5144-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от составителя и переводчика

Таяма Катай (1872—1930) – писатель, без которого невозможно представить японскую литературу начала XX века. Его имя часто связывают с зарождением натурализма в Японии, но творчество Катая гораздо шире любых литературных направлений. Он был летописцем человеческой души, мастером психологического анализа, художником, умевшим передать тончайшие оттенки чувств – от безудержной страсти до глухой тоски одиночества.

В этот сборник вошли образцы его малой прозы, в основном из сборников 1920-х годов – рассказы и повести, в которых сконцентрированы все главные темы его творчества: мучительная рефлексия, конфликт между долгом и желанием, невозможность любви без разрушения. Герои Катая – люди, разрывающиеся между социальными условностями и собственными страстями, между призрачным идеалом и несовершенной реальностью. Их переживания часто доведены до крайней степени напряжения, до болезненной остроты, но именно это делает прозу Катая такой пронзительной.

Особое место в его творчестве занимает природа – не просто как фон, а как живое, почти одушевленное пространство, отражающее внутренний мир персонажей. Болота, сосновые леса, заросшие тропы, тихие сельские пейзажи становятся у Катая метафорами душевных состояний. Взгляните, например, на болото в «Болоте Асадзи» – оно то скрывает любовников, то становится символом утраты, то превращается в кладбище несбывшихся надежд.

Катай писал не только о любви, но и о её тени – о вине, о ревности, о неизбежности расплаты. Его герои обречены страдать, потому что слишком остро чувствуют, слишком глубоко рефлексиируют. В этом смысле проза Катая – это всегда исследование боли, но боли, которая очищает и заставляет читателя сопереживать.

Стиль Катая – плотный, насыщенный деталями, иногда почти физиологичный в своих описаниях, – может показаться непривычным современному читателю. Но именно эта «неудобность», эта отказ от гладкости и делает его тексты такими живыми. Они не дают успокоиться, не предлагают лёгких ответов, но зато оставляют в душе след – как от прикосновения к чему-то слишком откровенному, слишком настоящему.

В этой книге собраны произведения, которые показывают Катая с разных сторон: и как тонкого лирика («Тропинка в траве»), и как беспощадного аналитика человеческих слабостей («Болото Асадзи»), и как писателя, способного превратить частную драму в универсальную историю о несовершенстве мира.

Читая Катая сегодня, мы понимаем, что его герои – это мы сами: запутавшиеся, сомневающиеся, ищущие и не всегда находящие. И в этом – вневременная ценность его прозы.

Открывает этот сборник рассказ «Солдат», написанный автором на основе личных воспоминаний и наблюдений времен Русско-японской войны. В книге дается новый перевод этой сильной антивоенной новеллы (первый перевод вышел в 1958 году и более не переиздавался). Все прочие произведения, вошедшие в эту книгу, ранее не издавались отдельным томом на русском языке.

Павел Соколов

Солдат

Он шагал.

Винтовка тяжела, ранец тяжел, ноги тяжелы, алюминиевый котелок бренчит о штык, и этот звук раздражает его и без того напряжённые нервы. Он поправлял его несколько раз, но он всё равно бренчит, предательски бренчит. Он уже просто ненавидит этот котелок.

Болезнь ещё не прошла, и дыхание его было прерывисто. По всему телу пробегает то жар, то озноб. Голова пылает, в висках стучит. Зачем он покинул госпиталь? Врач настаивал, что после болезни нужен покой, уговаривал остаться – зачем же он ушёл? Он думал об этом, но не жалел.

Пятнадцать больных и раненых в грязном заброшенном доме в комнате на восемь циновок. Упадок сил, грязь, стоны, тяжёлый воздух и тучи назойливых мух – как он выдержал там двадцать дней? Каша из ячменя с щепоткой соли – как он не умер с голоду?

Солдат содрогнулся, вспомнив госпитальный туалет. Яма была вырыта неглубоко, и вонь била в нос и глаза. Мухи гудели тучами. Известковая грязь серого цвета вызывала тошноту.

Но здесь... Здесь лучше, чем там. Бескрайние поля – как же они прекрасны! Маньчжурская степь пустынна и безлюдна. На полях – лишь поспевающий гаолян. Но здесь свежий воздух, солнечный свет, облака, горы...

Резкий звук заставил его остановиться и оглянуться. Тот самый поезд всё ещё там. Сотни китайских кули, словно муравьи, тащащие огромную добычу, толкают длинный состав без котла и трубы.

Вечернее солнце косо осветило картину.

Там, на возвышении среди мешков с рисом, стоит тот самый унтер. Солдат просил подвести его до станции Аньшань – идти было не вмоготу. Но унтер закричал, что это не пассажирский поезд, и какой же солдат пехоты ездит на поездах?

«Я болен, видишь же – болен, у меня бери-бери. За Аньшанем наверняка будет наша часть. Мы же воины, помоги собрату!» – он умолял, но унтер не слушал. «Рядовой», – говорил он с презрением. А ведь именно солдаты выиграли сражение при Цзиньчжоу! Чёртов унтер, чёртов демон!

Муравьи, настоящие муравьи! Всё ещё там. Поезд – конец ему.

Внезапно перед глазами промелькнул состав, на котором он уезжал из Тоёхаси. Вокзал был завешан флагами. Долгое-долгое «банзай!» И вдруг – лицо любимой жены. Не заплаканное в день отъезда, а улыбающееся, каким он запомнил его в счастливый миг.

«Вставай, проспипь школу!» – будила его мать. Мысли неожиданно перенеслись в детство. Лысый лодочник с залива, блестящий на закате, кричит на свору детей. Среди них – он.

Прошлое и нынешняя боль и тревога чётко разделены, но в то же время соприкасаются. Винтовка тяжела, ранец тяжел, ноги тяжелы. Всё ниже пояса словно принадлежит не ему, и он даже не уверен, идёт ли вообще.

Коричневая дорога – колеи от пушек, следы сапог и сандалий врезались в землю и застыли, как камень. Дорога тянется вдаль. Он уже ненавидит эти маньчжурские дороги. Где же им конец? Когда он перестанет идти по ним?

Как же милы ему песчаные дороги родного края, влажный берег после дождя, гладкие и приятные тропы! Здесь же, хоть дорога и широка, нет ни одного ровного места. После дождя она становится мягкой, как глина, и сапоги – да что там сапоги! – погружаются в грязь по колено.

Перед сражением у Дашицяо они брели три ри по тёмной грязи. Брызги летели до макушки. Их задачей было прикрытие артиллерии. Пушки застревали в грязи, и они тол-

кали их снова и снова. Если бы пушки Третьего полка не заняли позиции к утру, битва была бы проиграна. Они работали всю ночь, а на следующий день – бой.

Вражеские и наши снаряды со свистом пролетали над головой. Жара палила с небес. После четырёх часов пехота сошлась вплотную. Ружейная стрельба звучала, словно жарящиеся бобы на сковородке. Пули свистели у самых ушей. Кто-то в рядах вскрикнул. Он обернулся и увидел, как солдат, залитый кровью, алой на вечернем солнце, рухнул вперёд. Пуля попала ему в грудь.

Тот был хорошим парнем. Весёлый, остроумный, простой в общении. Из Синсира, с молодой женой. В начале высадки они вместе ходили за провизией, гонялись за свиньями... Но этого человека больше нет на свете. Не верится, что его больше нет. Не верится, но это так.

По грязной коричневой дороге тянутся повозки с провиантом. Фургоны с мулами, повозки с ослами, крики китайских стариков. Длинные кнуты сверкают на солнце, щёлкают в воздухе. Из-за ухабов повозки трясутся, как на волнах.

Тяжело дышать. Так тяжело, что неважно. Он решил попроситься на повозку и побежал.

Котелок бренчит. Сильно бренчит. Вещи в ранце и патроны в подсумках громко прыгают. Приклад винтовки больно бьёт по ноге.

– Эй! Эй!

Голос не слышится.

– Эй! Эй!

Он крикнул изо всех сил. Наверняка услышали, но даже не оглянулись. Наверное, знают, что ничего хорошего он не скажет.

Он остановился, но потом снова побежал. На этот раз ему удалось догнать последнюю повозку.

Мешки с рисом громоздились горой. Китаец-старик обернулся. Круглолицый, неприятный. Солдат без спроса вскочил на повозку и лёг между мешками. Китаец покричал на лошадь, и повозка затряслась.

Голова кружится, земля и небо вращаются. Давит в груди, болит голова. Икры ног прижаты, неудобно, просто невыносимо. Тошнит. Чувство тревоги с невероятной силой охватило его. В то же время начался ужасный приступ – в ушах и в голове зашептали голоса.

Раньше он уже испытывал тревогу, но не такую. Кажется, будто во всей вселенной нет места, где он мог бы укрыться.

Они, видимо, въехали в деревню. Над ним склонились густые зелёные ивы. Лучи заката, пробиваясь сквозь листву, освещали каждый листок. Неказистые низкие крыши проплывали мимо, будто во время землетрясения.

Вдруг повозка остановилась. Он поднял голову.

Они были в тени ив. Он увидел пять повозок.

Кто-то резко схватил его за плечо.

Японец. Свой. Унтер.

– Ты кто такой?

Он с трудом приподнялся.

– Почему ты на этой повозке?

Объяснять было мучительно. Да и говорить не хотелось.

– На этой повозке нельзя! Груз и так слишком тяжёлый. Ты из Восемнадцатого полка? Из Тоёхаси?

Он кивнул.

– Что с тобой?

– Болен. До вчерашнего дня был в госпитале в Дашицяо.

– Вылечился?

Он бессмысленно кивнул.

– Понимаю, что тебе тяжело, но слезай. Нам нужно спешить. Под Ляояном началось.

– Ляоян!

Это слово сильно взбудоражило его.

– Уже началось?

– Разве не слышишь канонаду?..

Он и раньше слышал гул на горизонте, но думал, что это не Ляоян.

– Аньшань взят?

– Позавчера. Враг, кажется, решил дать последний бой перед Ляояном. Говорят, началось в шесть!

Отдалённый, едва слышный гул – да, это артиллерия. Тот самый противный звук, когда снаряды пролетают над головой. Пехота идёт в атаку между разрывами. Кровь льётся.

Он почувствовал страх и в то же время тоску. Его товарищи сражаются. Проливают кровь за Японскую империю.

Он представил себе поле боя, зрелище разрывов снарядов. Но здесь, в маньчжурской степи, за семь-восемь ри от сражения, лишь осенний ветер гонит закат. Мир в деревне, через которую прошла армия, не изменился.

– Это будет большое сражение.

– Да.

– В один день не решить.

– Конечно.

Унтер и его солдаты, услышав канонаду, оживлённо заговорили. Пять повозок с провиантом, китайские старики – все о чём-то болтали. Длинные уши ослов светились на солнце, их рёв резал уши.

За ивами виднелись пять-шесть китайских домов с белыми стенами. Во дворах высокие деревья, колодцы, сараи. Пожилая женщина с маленькими ногами шла, покачиваясь.

Сквозь ивы была видна широкая пустынная степь. Цепь коричневых холмов, а за ними – высокие лиловые горы. Оттуда и доносился гул орудий.

Повозки уехали.

Он снова остался один. От Хайчэна до Дунъяна, а до следующей базы снабжения ещё около одного ри. Только там можно будет переночевать.

Он решил идти.

Солдат был измотан, но идти всё же лучше. В груди по-прежнему тяжело, но ничего не поделаешь.

Та же коричневая дорога, те же поля гаоляна, тот же закат. По рельсам снова прошёл поезд. На этот раз под уклон, очень быстро. Быстрее, чем паровоз, он промчался через долину. Флаг на последнем вагоне мелькал среди гаоляна, то появляясь, то исчезая. Даже когда он скрылся из виду, гул железнодорожного состава ещё слышался. И вместе с ним – непрерывная канонада.

На дороге давно не было деревень, но на западе виднелись тёмные рощи ив, а между ними – белые и коричневые дома. Людей не было видно, лишь тонкие струйки дыма одиноко поднимались в небо.

Закат удлинял все тени. Высокий гаолян отбрасывал тень на дорогу, перекрывая тень гаоляна на другой стороне. Травинки у дороги тоже отбрасывали длинные тени. Восточные холмы чётко выделялись. Грустный, печальный вечер наступал с необъяснимой силой.

Он вышел из гаоляна и вдруг увидел перед собой свою огромную тень. Тень винтовки на плече лежала на траве вдали. Его охватила глубокая печаль.

В траве стрекотали насекомые. Не так, как на родине. Это отличие и бескрайняя степь щемили ему сердце. Воспоминания хлынули потоком.

Лица матери, молодой жены, брата, женщины мелькали, как в калейдоскопе. Родовой дом в деревне, окружённый дзельквами, мирная семья. Потом – юность, учёба в Токио. Ночное оживление Кагурадзаки. Красивые цветы, магазины журналов, новые книги. За углом – театр, чайные, звуки сямисэна, женский смех. Тогда было весело.

Возлюбленная жила в Накамати, он часто навещал её. Милая круглолицая девушка, он до сих пор помнит её. Тогда он был молодым хозяином из богатой сельской семьи, денег хватало, и жизнь была интересной. А друзья его теперь все при делах. Недавно в Гайчжоу он встретил одного – теперь капитан Шестой дивизии, важничает.

Внезапно он подумал, что нет ничего более жестокого, чем армейская жизнь. Но сегодня, странно, в нём не было обычного чувства протеста или жертвенности – лишь страх.

Перед отправкой он клялся, что отдаст жизнь за страну и императора без сожалений. В деревенской школе он говорил пламенную речь: «Я не вернусь!». Тогда он был полон сил и здоровья. Конечно, он не собирался умирать – в глубине души мечтал о триумфальном возвращении.

Но теперь его охватил страх смерти. Он почувствовал, что вряд ли вернётся живым. Эта болезнь, эта бери-бери... Даже если он поправится, поле боя – огромная тюрьма. Как ни бейся, не вырваться. Он вспомнил слова солдата, погибшего в бою: «Всё равно не выберешься. Умрём с честью».

Он был измучен, болен, напуган. Он думал, как избежать этой ужасной участи. Дезертировать? Но если поймают – позор и смерть. Если пойдёт вперёд – попадёт на поле боя. А там – смерть.

Он впервые понял, как глупо было уходить из госпиталя. Надо было дожидаться отправки в тыл...

Всё кончено. Выхода нет. Чёрный пессимизм сокрушил его. Он больше не мог идти. Слезы текли ручьями.

«Если есть на свете бог, спаси меня! Укажи путь к спасению! Я буду терпеть любые лишения! Творить добро! Ни в чём не отступлю!».

Он зарыдал.

Грудь сжимало без перерыва. Слезы, словно у ребёнка, катились по щекам. Мысль, что его тело скоро исчезнет из этого мира, была невыносимо горька.

Раньше он не раз горел любовью к родине. На палубе корабля, распевая военные песни, он чувствовал, как благородный порыв наполняет всё его существо. Если бы вражеский корабль внезапно появился и потопил их одним выстрелом – он бы погиб без сожаления, став морской пеной.

На поле боя под Цзиньчжоу он храбро шёл вперёд под смертоносным огнём пулемётов. Вид товарищей, залитых кровью, сжимал ему сердце, но он думал: «Это ради страны, ради чести».

Но чужая кровь – не своя. Перед лицом смерти дрожит даже самый храбрый.

Ноги тяжелы, вялы. В груди тошнота. Десять ри от Дашицяо, два дня пути, ночная роса, озноб – бери-бери определённо обострилась. Кишечная лихорадка прошла, но началась острая форма бери-бери.

Он содрогнулся, осознав ужас сердечного осложнения. «Неужели нет спасения?» – подумал он. Не в силах более терпеть, он зарыдал и поплёлся дальше.

Степь была мирная. Огромное красное солнце клонилось к горизонту, небо наполовину золотое, наполовину тёмно-синее. Золотое облако, похожее на птичье крыло, медленно плыло. Тени гаоляна накладывались друг на друга, осенний ветер бродил по пустынной степи. Канонада под Ляояном, ещё недавно грохотавшая, теперь стихла совсем.

Его обогнали два старших солдата.

Пройдя пять-шесть шагов, один вернулся.

– Эй, ты что?

Он опомнился. Ему стало стыдно, что его застали плачущим.

– Эй, ты?

– Бери-бери...

– Бери-бери?

– Так точно.

– Плохо дело. Сильно запущено?

– Очень плохо.

– Это серьёзно. Если дойдёт до сердца – беда. Куда путь держишь?

– Думаю, наша часть за станцией Аньшань.

– Но сегодня туда не дойти.

– Так точно.

– Ладно, иди до Синтайцзы. Там интендантство, врач посмотрит.

– Далеко ещё?

– Уже близко. Видишь вон тот холм? Перед ним железная дорога. Там флаг – это и есть Синтайцзы.

– Там есть врач?

– Один военврач.

Он почувствовал, будто ожил.

Он пошёл за ними. Те, пожалев его, взяли его винтовку и ранец.

Впереди двое беседовали о сегодняшних событиях под Ляояном.

– Ничего не понять...

– Ещё идёт, наверное. В Яньтае говорили, враг устроил заслон в риги перед Ляояном.

– Подкрепления идут?

– Не хватает солдат. Говорят, вражеские укрепления – что надо.

– Будет жарко.

– Уж целый день грохочет.

– Как думаешь, победим?

– Проиграть – конец.

– Первая армия тоже выступила?

– Конечно.

– Хорошо бы зайти с тыла.

– На этот раз всё получится.

Они прислушались. Канонада снова усиливалась.

В интендантстве Синтайцзы царил неразбериха. Прибыл полк резервной бригады, и везде – на рельсах, за домами, у складов – виднелись фуражки и штыки.

За рельсами стояли пять зданий русского железнодорожного батальона. Над штабом развевался флаг. Солдаты толпились, как чёрная гора, офицеры с длинными саблями сновали туда-сюда.

У трёх огромных котлов пылал огонь, дым густо стелился в сумерках. В одном котле рис уже сварился, и фельдфебель-кашевар, покрикивая на подчинённых, раздавал его солдатам. Но трёх котлов не хватало, и большинство, получив пайки, разошлись по полю варить рис сами себе. Вскоре в степи запылали костры из гаоляна.

За домами грузили боеприпасы в вагоны. В сгущающихся сумерках мелькали солдаты и возчики. На груде ящиков стоял унтер, отдавая команды.

Бой под Ляояном не утихал. Тёмные горы у Аньшаня напоминали сёдла. С той стороны доносилась канонада.

Он пришёл сюда за врачом. Но сейчас было не до него. Жизнь одного солдата ничего не значила.

Лишь благодаря помощи двух товарищей он получил паёк риса.

«Подожди немного. Когда полк двинется вперёд, найдём врача и отправим тебя с ним. А пока иди прямо три-четыре тяна – там белый дом. У входа – лавка, откроешь с утра. Пройди внутрь и ложись».

Идти дальше у него не было сил. Получив винтовку и ранец, он едва не упал под их тяжестью. Голова кружилась. Тошнило. Ноги были ватными. Мысли путались.

Но здесь падать было нельзя. Чтобы умереть, нужно найти укромное место. Да, укромное место... Любое. Тихое, где можно лечь и отдохнуть.

Тёмная дорога казалась бесконечной. Кое-где кучковались солдаты. Он вспомнил казармы в Тоёхаси. Как прятался в лавке и пил. Как напился, подрался с фельдфебелем и угодил на гауптвахту.

Дорога была длинной. Сколько ни шёл – белого дома не видно. Говорили три-четыре тяна, а он прошёл уже десять. «Не ошибся ли?» – оглянулся он.

Интендантство светилось огнями костров. В темноте сновали группы солдат. Крики грузчиков разрывали ночную тишину.

Здесь было уже тихо. Ни души вокруг. В груди вдруг стало нестерпимо тяжело. «Если не найду убежища – умру здесь», – подумал он и рухнул на землю.

Но, странно, не было ни грусти, ни воспоминаний. В глазах мелькнули звёзды. Он приподнял голову и осмотрелся.

К своему удивлению, он увидел белый дом прямо перед собой. В окнах светились огни. Был виден круглый красный фонарь. Слышались голоса.

Опираясь на винтовку, он с трудом поднялся.

У входа действительно была лавка. В темноте угадывался котёл, тлели угли. Тонкая струйка дыма стелилась мимо фонаря. На фонаре было написано: «Сладкая бобовая похлёбка – 5 сен». Несмотря на мучительную боль в груди, он разглядел это отчётливо.

– Похлёбка уже кончилась? – спросил солдат, стоявший перед лавкой.

– Уже кончилась, – раздалось изнутри.

Заглянув внутрь, он увидел яркий свет двух голых свечей. На возвышении среди ящиков с консервами и мелочью сидел улыбающийся усатый мужчина лет тридцати. Один солдат разглядывал полотенце.

Рядом в темноте виднелись низкие каменные ступени. «Вот оно», – подумал он. Одна мысль, что можно отдохнуть, наполнила его сердце безмерной радостью.

Осторожно, на цыпочках, он поднялся по ступеням. Внутри было темно. Похоже, это был коридор. Он попробовал открыть первую дверь – не поддалась. Сделал два-три шага, попробовал следующую – та же история.

Пошёл дальше.

Коридор упёрся в стену. Вправо и влево хода не было. В отчаянии он нажал на правую дверь – и та неожиданно открылась.

Комната была едва освещена звёздным светом, падающим через стеклянное окно.

Он бросил винтовку и ранец и повалился на пол. «Наконец-то можно отдохнуть», – подумал он, тяжело дыша.

Но вместе с облегчением пришла новая тревога. Усталость, изнеможение, чувство, близкое к отчаянию, давили, как свинец. Воспоминания всплывали обрывками – то быстро, как молния, то медленно, как шаги усталого быка.

Он ясно чувствовал, как ноют тяжёлые, усталые ноги. Икры пульсировали от боли – не обычной, а словно от судорог.

Он невольно заёрзал. Даже измождённое тело не могло вынести этого давления.

Он катался по полу в муках.

О родине, о матери и жене даже не думал. Не оплакивал свою грядущую смерть. Боль, только боль – с ней нужно было бороться.

Она накатывала, как прилив, бушевала, как ураган. Он упирался ногами в пол, метался. «Больно...» – невольно вырвалось у него.

Но на самом деле боль была не такой сильной. Она, конечно, была, но мысль, что нужно терпеть ещё больше, притупляла её. Новая сила волной разлилась по телу.

Желание побороть боль было сильнее страха смерти. С одной стороны – слабость, слезливое отчаяние, с другой – упрямая воля к жизни.

Боль накатывала волнами. С каждой новой волной он кусал губы, стискивал зубы, хватался за ноги.

Ему показалось, что пробудилось какое-то новое чувство, помимо пяти обычных. Тёмная комната стала видна чётче. У стены стоял высокий стол. На нём лежала белая бумага. Половина оконного стекла была разбита, и сквозь него виднелись звёзды. В углу валялся какой-то хлам.

Он потерял счёт времени. «Хорошо бы пришёл врач», – подумал он, но тут же новая боль отвлекла его.

На полу запел сверчок. «А, сверчок...» – мелькнуло у него в голове сквозь мучения. Грустная песня насекомого почему-то тронула его до глубины души.

Боль, боль... Он снова забился в конвульсиях.

– Больно! Больно! Больно! – он кричал без остановки.

– Больно! Кто-нибудь... есть кто-нибудь? – снова закричал он через некоторое время.

Силы жизни почти иссякли. Это был уже не сознательный зов о помощи, а нечто стихийное – как шелест листьев на ветру, как рёв волн, как вопль отчаяния.

– Больно! Больно!

Его крики оглашали комнату. Месяц назад здесь жил офицер русского железнодорожного батальона. Когда японцы вошли сюда, на стене висела закопчённая икона Христа. Прошлой зимой тот офицер пил водку, глядя из этого окна на снежные бури. В дверях стоял часовой в тулупе. Он презирал японских солдат и мечтал о радужных перспективах.

А теперь в этой комнате раздавались предсмертные стоны.

– Больно, больно, больно!

Тишина. Сверчок продолжал свою грустную песню. Над бескрайней маньчжурской степью взошла луна, и её свет залил комнату.

Крики, стоны, отчаяние – он бился в конвульсиях. Пуговицы мундира расстегнулись, грудь была исцарапана, фуражка смята, лицо и щёки запачканы рвотой.

Вдруг в комнату ворвался свет, и в дверях появилась фигура человека со свечой. Это был тот самый усатый лавочник. Но на его лице не было прежней улыбки – только бледность и серьёзность.

Молча войдя, он осветил свечой корчащегося солдата. Тот был бледен, как мертвец. Вокруг была разбросана рвота.

– Что с тобой? Болен?

– Больно, больно... – он кричал, продолжая биться.

Лавочник растерялся. Постояв немного, поставил свечу на стол и вышел.

Комната осветилась. Он увидел в углу свою винтовку и ранец.

Свеча мерцала. Воск стекал, как слёзы.

Вскоре лавочник вернулся с солдатом – тем, что спал в соседнем доме. Тот осмотрел больного и его погоны.

– Из Восемнадцатого полка.

– Так.

– Когда он пришёл?

– Не знаю. Я крепко спал, проснулся около десяти. Услышал стоны: «Больно, больно». Решил проверить – в доме никого не должно быть. Крики усиливались: «Помогите!». Я пришёл. Бери-бери. Сердечное осложнение.

– Осложнение?

– Не выживет.

– Жаль. В интендантстве есть врач?

– Есть... Но в такой поздний час не придёт.

– Который час?

Он достал часы.

– Два пятнадцать.

Они молча стояли.

Новая волна боли. Стоны перешли в нестерпимые вопли.

– Жаль...

– Да, жалко. Откуда он?

Солдат обыскал его карманы, достал солдатскую книжку.

– Микава, уезд Ацуми, деревня Фукуэ, Като Хэйсаку...

Перед ним снова возникли родные места. Лица матери и жены. Большой дом, окружённый дзельквами. Гладкий берег. Синее море. Знакомые рыбаки...

Они молча стояли. Их лица были бледны. Иногда они перебрасывались словами сочувствия.

Он уже ясно осознавал близость смерти. Но это не казалось ни страшным, ни печальным. Эти двое говорили о нём, как о постороннем предмете. Единственное желание – избавиться от нестерпимой боли.

Свеча мерцала. Сверчок продолжал петь.

На рассвете пришёл врач. Но за час до этого солдат уже умер.

Когда первый поезд с криками «Дорогу!» отправился к Аньшаню, бледный месяц ещё висел в небе.

Вскоре снова загрохотали пушки. Началось сражение за Ляоян – первое сентября.

1908

Возвращение с острова

К и В шли рядом, разговаривая.

– Совсем другие ощущения, чем когда смотрели издали, правда?

– Точно...

– Во-первых, даже не думал, что это такое большое место, с разными постройками. Здесь есть и врач, и баня, и поля. Овощей тоже немало. Настоящий отдельный мир... Даже сосланным сюда было бы неплохо, а?

– На месяцок – сойдет...

– Нет, я бы и подольше хотел. Хоть год – хотелось бы пожить в таком отдаленном месте, вдали от мирских оков...

– Верно... Было бы здорово... Но вряд ли получится. Даже без этого, стоит чему-то случиться – и сразу тянет обратно в столицу...

Эти слова В глубоко задели К. Хотя он и говорил такое вслух, но в душе всегда, не забывая ни на миг, стремился к столице. Он вспомнил, как прошлым вечером записал в дневнике пятистишие, посвященное той девушке.

– Но я думаю, это возможно, – нарочито скрывая тайну в глубине сердца, сказал К.

– Ты так считаешь?.. Тебе самому под силу? Если сможешь – ты молодец... – В усмехнулся. – Но правда, такое место пошло бы мне на пользу.

Они шли по дороге, которая, казалось, пролегла прямо по хребту острова. Справа и слева виднелось море. Волны яростно накатывали и рассыпались в брызгах. Вдали покачивался одинокий парус.

– Это остров Т?

– Да... – К уже бывал здесь раньше и хорошо знал эти места.

– Довольно далеко?

– Версты три. Вообще, тот остров относится к префектуре Миэ, даже полицейские и почтальоны приезжают оттуда. Говорят, иногда связь прерывается на целую неделю... – К рассказывал это, хотя В и не спрашивал.

– А В-остров – тот, что чуть виднеется впереди? – В указал рукой.

– Да. Это S-остров. А от него до Тоба в Сисю еще около двух верст...

– На лодке туда добираться – непростое дело, да?

– Да что там, местные рыбаки даже не замечают. Лишь бы ветер был попутный – и вперед... Говорят, отсюда до Тоба шесть верст, но почтовые лодки заходят сначала на S-остров, потом дважды на Т-остров и только потом сюда...

– Ну и дела...

Спустившись немного с хребта, дорога стала поворачивать к берегу, откуда они приехали прошлым вечером. Там дома беспорядочно лепились по склону, образуя подобие ступеней. Окно врача сверкало на послеполуденном солнце. А дальше ясно виднелся длинный мыс Ираго, врезающийся в море, где они провели это лето.

Они вспомнили, как прошлым вечером после десяти часов кто-то предложил им:

– Эй, есть лодка на Камисиму. Поплывете?

Они выбрались из-под москитной сетки, уже готовые ко сну, и поспешно вышли на берег. Говорили, что море спокойно, но шум волн все равно был пугающим. Беспокоился не только В. К тоже спрашивал:

– Все в порядке?

Тогда в В зародилась мрачная мысль.

– Лодка перевернется... Все разом пойдут ко дну... Через некоторое время всплыву только я... И тогда? Что тогда?

Он снова переживал эти мысли. С тех пор, как тайком прочитал дневник К, он страдал невыносимо. Та девушка, о которой писал К, – разве не Такико? Не та ли Такико, которую он сам любил? Хотя точно он не знал, но все указывало на это. В мучился неизвестностью. Мир будто померк перед его глазами. Даже яркие морские пейзажи стали казаться ему унылыми и безрадостными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.